

ИСТОКИ

ПОХОД В МУЗЕЙ



Лампи Старший И.Б. Портрет Екатерины II с аллегорической статуей Истины.

Помните романы нашего русского Дюма — Валентина Пикуля? Помните Карамзина, Костомарова, Валишевского? Помните, наконец, фильм "Молодая Екатерина"? Там вполне уничтожительно описан Пётр III, внук Петра Великого, но насквозь немец, сын Анны Петровны и мелкого прусского голштейн-готторпского герцога Карла Фридриха. Да и звали этого немецкого принца Карл Пётр Ульрих. Великорусская молодая императрица Елизавета сделала его своим наследником скрепя сердце, просто другие были ещё жиже, ещё большая седьмая вода на киселе. Потом Елизавета, на нежданное великое счастье России, выбрала наследнику жену из тех же хундородных немцев, перекрестила её в Екатерину. Супруги были такие разные: черноволосяя покладистая красавица, мгновенно впитавшая русскую культуру, прильнувшая к вере и народу, — и её убогий муж Пётр Ульрих, прыщавый, репоголовый, играющий, как дитя, в деревянных солдатиков, ненавидящий всё русское. Настал 1761 год — и Пётр стал Третьим, стал могучим самодержцем Всея Руси. Свёл на нет все достижения нашей победоносной Семилетней войны, во время которой мы в хвост и в гриву били самого Фридриха Великого, вернул ему все наши завоевания, заключил подобострастный мир с Пруссией, ввёл в русской армии немецкие порядки. Жену ни в грош не ставил, за её рассудительность и привлекательность. Помните, как у Костомарова и Пикуля он во время царского пира через весь стол безумно заорал ей: "Дура!"? Дураки всегда считают себя самыми умными. "Дура" свергла мужа-урода всего через год. Легко и просто, сев в сине-зелёном преображенском мундире верхом на кавалерийском скакуне и решительно крикнув солдатам: "За Россию!". Как много раз описано это, как прочно вошло в плоть и кровь страны...



Неизвестный художник. Портрет великого князя Павла Петровича в детстве с ружьем.

ЦАРИ И ЦАРИЦЫ В ОРЛОВСКОМ ДВОРЦЕ

И вот они на стендах Орловского музея — изобразительных искусств. Не ожидали? Думали, изображения этих сиятельных царственных особ могут быть хранимы лишь в чопорных столичных музейных залах?

Нет, любой орловец может хоть сейчас свернуть на улицу Октябрьскую и увидеть их — этого неслепого Петра, это позорище в прусском мундире, с пузцом, с лицом выродка, это хилое существо, казнувшее в застенках при "тайнственных обстоятельствах".

Ему было лишь тридцать четыре, царствования он ждал лет пятнадцать, а выпал ему лишь годок.



Песковский И.Я. Портрет великой княгини Марии Фёдоровны.

Тот год, тот блистательный 1762-й, стал годом восторга на российский престол величайшей из русских (да, именно русских, душой и духом русских) женщин.

Мужу суждено было прожить тридцать четыре, а жене — процарствовать тридцать четыре, до своей спокойной смерти,



какая удаётся далеко не каждому монарху.

Екатерина Вторая, вершина, сравнимая разве что с Петром Великим, сделала для страны ничуть не меньше его, и притом не кроваво, не жестоко, а вот как раз умиротворением и просвещением.

Что не помешало ей одержать сокрушительные победы над всеми Петровыми недругами, расширить Отечество и укрепить его до устоев уже неистребимых.

Орловцы, она же вот, рядом с вами, в зените мировой славы, приятельница Вольтера, на огромном парадном портрете с аллегорической статуей Истины. Прижизненный портрет, впитавший атомы живого её взгляда, взгляда без административности, без фальши.

Наш музей изобразительных искусств — не музей одной картины, шедевров здесь десятки; недаром их просят к себе на выставки и Франция, и Германия, и Англия.

Не знаю, можно ли где ещё увидеть вот этого мальчика в высокой охотничьей шапке и с ружьишкой? А знаете, кто это? Это сам великий князь Павел Петрович в детстве. Тот самый бесноватый Павел Первый, многорукий и многодетный, давший престол (вернее, отавший по воле) двум своим сыновьям, Александру и Николаю Павловичам.

Павел, сын Екатерины II и Петра III (его ли?), тоже долго, с тайной ненавистью к матери, ждал российской короны и тоже процарствовал самую малость — всего пять лет, свёда на нет беспримерный суворовский Итальянский поход, заключив мир с Наполеоном, которого Суворов не разбил заодно со всеми его войсками лишь по той простой причине, что в это время Наполеон геройствовал в Египте.

Павел, мизерный, курносенький, без всяких оснований считающий себя, как все Готторпы, военным гением... Также прусские порядки, тоже механическая муштра

— уже не только в армии, но и во всём государстве.

Его режим назвали военно-полицейским, создателя же режима удружили в собственной спальне — не без ведома наследных сыновей.

Как попал этот редкий портрет работы неизвестного художника в орловский музей? А скорее всего из известного нашего села Куракино. Там была вотчина Куракиных, один из которых, Александр Куракин, был другом Павла по детским военным играм.

У Александра (в Европе его за богатства звали Бриллиантовый князь) и его брата Степана Борисовича Куракина были звёзды Святой Анны с голубой лентой — любимый орден Павла.

Портрет Степана с этой широкой лентой и громадной звездой тоже висит в музее.

Взгляните на портрет великой княгини Марии Фёдоровны, второй жены Павла. Поначалу в названии стояло "Графиня Северная", затем орловские искусстведы выяснили, что молодые супруги Павел и Мария, не жалевшие раскрывать себя, путешествовали по Европе под псевдонимом "Северные".

Поэтому теперь вполне ясно, что художник И. Песковский изобразил будущую царицу.



Неизвестный художник. Портрет Петра III.

Взгляд у неё глуповатый, щёки чересчур надулены — зато она (урождённая принцесса Вюртембергская) создала в России Маринское общество — ряд благотворительных и воспитательных организаций, главным образом дворянских. Так что доброе слово ей история сказала.

Ну и напоследок о картине "Портрет неизвестной в красном платье и белом тюрбане" (1838 г.). Автор — польский художник Ян Дамель.

Экскурсовод Екатерина Симонова (на снимке в центре) поведала, что на Орловщине жила довольно большая польская диаспора (Польша, напомним, входила в состав Российской империи — как и Финляндия, и Аляска — во была империя, на три континента!).

Так вот, Дамель в Польше был довольно известен, был другом Мицкевича, поэта, вхожего в великосветские круги. Поэтому не исключено, что на картине изображена (хоть и со змеиным выражением лица) какая-то польская владычица.

Тем более что это задумывалось как триптих, богатый и изысканный. Рядом с дамой висит портрет мальчика с красным беретом, а мужской портрет (видимо, главы высокородного семейства), может быть, не исполнен вообще.

На этом, пожалуй, достаточно о царственных особах, красующихся во дворце нашего центрального музея, в нашем городе, столь далёком от тех мест, где громыхали миром все эти величества.

Следующие очерки из Орловского музея изобразительных искусств будут посвящены шедеврам ещё более пленительным: пейзажам и жанровым работам русского и зарубежного (Италия, Германия, Франция, США) искусства XVII — XIX веков.

Ходите в наш музей, читайте нашу газету!

Юрий ОНОПРИЕНКО.
Фото и фоторепродукция
Вячеслава МИТРОХИНА.

Константину Федоровичу Кулябке не суждено было стать известным человеком. Тем не менее имя его должен знать каждый, кто интересуется историей Орла: ведь именно благодаря Кулябке мы можем приоткрыть двери в прошлое одного из лучших военных учебных заведений России, погони которого в свое время с гордостью носил юный Константин и о котором он спустя много лет поведал потомкам. В августовской книжке "Русской старины" за 1908 год были опубликованы его "Воспоминания старого орловца", в которых дана яркая картина жизни Орловского Бахтина кадетского корпуса на заре его существования.

Орловский Бахтина кадетский корпус был открыт в 1843 году. В первые годы его деятельности вновь поступающие в корпус воспитанники прибывали не в Орел, а в Тулу — в Александровский малолетний кадетский корпус, выполнявший функции малолетнего отделения Орловского Бахтина кадетского корпуса. Тула-то и поступил в январе 1847 г. маленький Костя.

В Туле ему запомнились дружелюбные отношения между кадетами (что для того времени было редкостью) и — печальная примета корпусов эпохи императора Николая I — зверское обращение с воспитанниками одного из дежурных офицеров, щедро раздававшего подопечным затрещины и тумаки. Тульские учителя Кулябки также не могли похвастаться ангельской добротой. Так, француз Крауз за допущенные стоявшим у доски кадетом ошибки брыкал его ногой, а немец Берхман, обожавший "наглядный" метод обучения, бил тех, кто забыл, как по-немецки "книга", толстым филантом по голове, приговаривая: "Бух, бух!"

Когда подросток Константину пришлось покинуть нарядное, но слишком гостеприимное здание Тульского корпуса, он вместе с кадетами своей роты отправился в Орел.

В Орловском корпусе новичков встре-

КАДЕТ КУЛЯБКА И ЕГО «ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОГО ОРЛОВЦА»

тили радушный директор генерал Сергей Николаевич Тиньков и новые наставники. Дежурными офицерами были, по обычаю того времени, бывшие армейские служаки, которые мало занимались воспитанием своих подопечных и в основном следили за соблюдением тишины и порядка, лишая провинившихся обеда или завтрака. Таким был, например, украинец Мандрика, бывший однокашник Гоголя, заблудившийся лишь об опрятности кадет. Кулябка запомнил его любимое выражение: "Сапоги — это зеркало души". Случались, впрочем, и исключения: штабс-капитан Порфирий Алексеевич Иващенко был настоящим воспитателем, принимавшим участие во всех делах кадет и искренне их любившим, за что пользовался уважением своих воспитанников.

Полной противоположностью Иващенко был командир четвертой роты Шелькин. Его сравнивали с Малютой Скуратовым. Ротным же командиром самого Кулябки был Алексей Ефимович (фамилия его Кулябка забыл) — большой щеголь, который поощрял франтовство воспитанников: разрешал им носить сапоги на высоком каблучке, пользоваться духами, мылом и помадой. По-дружески относившийся к кадетами, угощавший их конфетами и яблоками, он, однако, недостаточно вникал в их нужды: например, запрещал покупать по воскресеньям колбасы и булки, почему-то считая это неприличным. Между тем кадеты никогда не ели досыта: на завтрак воспитанники получали кружку сбитня с небольшой булкой, на обед подавались суп с куском мяса и каша-размазня или пирог, на ужин шла та же размазня или же кружка молока с булкой. Без домашних гостинцев или лакомств, покупаемых в лавочке, приходилось подчас весьма туго. Впрочем, в Николаевское время воспитанников хорошо кормили, пожалуй, лишь в привилегированном Пажеском корпусе. Вот почему лишние завтраки или одного из обеденных блюд было суровым наказанием. Тех же, кого и голодным пайком нельзя было прокормить, сажали под арест (в "единенную комнату") или секли розга-

ми. К последнему средству, кстати, часто прибегал и добродушный Алексей Ефимович. По словам Кулябки, он вел кадета на расправу, дружески обнимая его.

Очень пестрым был преподавательский состав корпуса. Несмотря на то, что чины военно-учебного ведомства уже в то время пользовались большими привилегиями, выдающиеся педагоги по-прежнему стремились в столичный корпус, где можно было сделать неплохую карьеру. В провинциальных же корпусах оставались менее даровитые наставники. Орловский Бахтина корпус, впрочем, даже в



никалаевскую эпоху имел в числе своих преподавателей весьма достойных и уважаемых людей, любивших воспитанников и умевших передать им свои знания.

В первую очередь следует отметить преподавателя Закона Божия отца Ефима Остромысленского, которого Кулябка называл необыкновенно светлой личностью, оставившей по себе самое лучшее впечатление. Кадеты очень любили батюшку, а отец Ефим в свою очередь относился к ним с полным доверием — вплоть до того, что предлагал самим поставить себе отметки на годовом экзамене. Кулябка и его однокашники были честны: редко кто осмеливался зависть себе баллы, боясь справедливого гнева товарищей. Остромысленский вел с подопеч-

ными длительные беседы и почти не спрашивал заданные уроки, более полагая на силу живого слова. Он никогда не сердился на кадетах, даже на того, кто по невежеству своему как-то задал батюшке вопрос: "Правда ли, что возле Севска обнаружил мощи Иисуса Христа?" Отец Ефим беседовал с кадетами и на переменах, и воспитанники тесным кольцом окружали его, внимая каждому слову батюшки: весьма редкая картина для военно-учебных заведений, питомцы которых обычно не любили ни Закона Божия, ни его преподавателей.

Прекрасным учителем был преподаватель естественной истории Тарачков. Он умел привлечь кадетами любовь к своему предмету и пользовался уважением воспитанников. Серьезный ученый, Тарачков очень обижался, когда кадеты просили его показать в физическом кабинете (он преподавал и физику) фокусы, гордо заявляя, что он преподаватель, а не фокусник.

Кисти Орловского Бахтина кадетского корпуса, вслед за Кулябкой следует отметить довольно высокую квалификацию преподавателей иностранных языков. В середине XIX века редко можно было встретить толкового "язычника", особенно в провинциальном корпусе. Как правило, это были носители языка, заброшенные в Россию волею случая, не имевшие ни способностей, ни любви к преподаванию. Они говорили на ломаном русском языке или вовсе не знали ни слова по-русски, презирали свое звание и воспитанников. Те платили им той же монетой, и иностранцы чаще всего становились жертвами неистощимых выдумки сорванцов. Так обстояло дело, например, в Тульском корпусе, где начинал свое обучение Кулябка. В Орловском же корпусе учитель Кулябки немец Миквиц был строгим, но толковым

учителем, француз де Бельфор (кстати, сносно говоривший по-русски и давно уже обрусевший) также пользовался уважением, и лишь товарищ Миквица Мартесон был излюбленной мишенью для издевок кадетов, неприменным персонажем шуточных рассказов и целой серии карикатур.

К сожалению, было среди преподавателей немало и других случайных людей. Историк Преферанский сквозь пальцы смотрел на то, как вызванный отвечать урок кадет читал его слово в слово по учебнику. Впрочем, такое безобразие продолжалось недолго: Преферанский был душевнобольным человеком, а через два года после поступления Кулябки в корпус он окончательно сошел с ума.

Но ни дурные преподаватели, ни телесные наказания, ни суровый режим никак не умаляют значения Орловского Бахтина кадетского корпуса. Он был одним из лучших провинциальных военных учебных заведений Российской империи. Рядом с Кулябкой на корпусной скамье сидели будущие генералы, губернаторы, земские деятели, судьи, ученые, литераторы, патриоты и истинно русские люди. Однокашниками Кулябки были литератор Василий Потто, архитектор Александр Пороховщиков, предприниматель Слепушкин, книготорговец Наедин, инспектор корпуса Мацков... Все они когда-то носили синие погони с белым кантом и инициалами "О.Б." и до конца дней своих гордо называли себя "старыми орловцами", помня о своей принадлежности к священной корпусному братству орловских кадетов.

АЛЕКСЕЙ ГРЕБЕННИК.
Аспирант ОГУ.

На снимках: памятный серебряный знак, изготовленный по случаю 50-летия Орловского Бахтина кадетского корпуса. (Фото из "Истории Орловского Бахтина кадетского корпуса". Орел, 2002, с. 21).

Орловский кадет в 1843 году. (Фото из "Истории Орловского Бахтина кадетского корпуса". Орел, 2002, с. 16).

«ПУСКАЙ КОРНИ В РОДНУЮ ЗЕМЛЮ...»

"Спасским называется моя деревня. — сообщил И.С. Тургенев в мае 1856 года графине Е.Е. Ламберт. — Она находится в Орловской губернии, в 9 верстах от города Мценска. Она не очень красива. — но в ней есть сад, в котором я провел большую часть моего детства..."

А три года назад, тоже майской порой, писатель приглашал гастролирующую в России певицу Полину Виардо заехать к нему в Спасское-Лутовиново. "Сад мой, — писал он, — сейчас великолепен: зелень ослепительно ярка... Если бы только я мог думать, что вы здесь когда-нибудь будете гулять! В этом нет ничего невозможного... но это совсем невероятно..."

Спасское-Лутовиново с полным правом можно назвать творческой лабораторией писателя. Кому неизвестны тургеневские слова, ставшие крылатыми: "Пишется хорошо, только живя в русской деревне..."

Соборная литературоведу П.Н. Полемому в 1873 году сведения для "Истории русской литературы в очерках и биографиях", наш земляк писал о себе в третьем лице: "Из исторических лиц, принадлежащих к его фамилии, Тургенев дорожит особенно двумя: тем Петром Тургеньевым, который обличил Лжедмитрия и за это обличение был в тот же день казнен на лобном месте в Москве, — и тем шутом Петра Великого, Яковом Тургеньевым, которому пришлось в новый 1700-й год обрезать ножницами бороды бояр: он по-своему тоже служил делу просвещения..."

Девизом древнего тургеневского рода, поставившего на службу отечеству немало храбрых воинов, стали слова: "Без страха обличал". Этому девизу следовал и автор "Записок охотника", названных современниками "обвинительным актом против крепостничества".

Многие Тургеневы "служили воеводами, столычниками и в иных чинах и жалованы были от государей поместьями". Некоторые из предков писателя издавна были связаны с историей орловского края. Племянник казенного в 1606 году самозванцем П.Н. Тургеньевым одним из первых вписал свое имя в летопись Орла. Василий Борисович приходился двоюродным братом прапращура писателя. О нем сказано в летописи: "Василий воевода был на Орле во сто шестидесять пятую году", т. е. в 1657 году, вскоре после восстановления Украины в России.

Шесть лет спустя орловским воеводой стал Осип Тургеньев, пращур писателя. А в 1684—1685 годы служил воеводой в Орловской крепости его родной брат Василий, который за участие в походах был "жалован вотчинами". Участнику многих сражений — прапрадеду писателя бригадиру Роману Тургеньеву, раненому в знаменитой Полтавской битве, принадлежала земля в нескольких уездах, в том числе и в Карачевском Орловской губернии.

Деду писателя прапорщик Н.А. Тургеньев перешло от родителей село Тургеньев Чернского уезда, расположенное недалеко от Спасского-Лутовинова, рядом с Бежиным лугом.

В 1810 году дед писателя дважды занимал — сначала три тысячи, потом пять тысяч рублей государственным ассигнованиями — сроком на один год у своего соседа И.В. Кривцова, отца известного декабриста-орловца. Деньги срочно понадобились, видимо, в связи с началом службы его сына Сергея — 17-летнего юнкера кавалергардского полка.

Участник Бородинского сражения, награжденный за храбрость знаком отличия Военного ордена, Сергей Николаевич в конце 1815 года находился в отпуске в родных местах. Тогда-то он и покорило сердце Варвары Петровны Лутовиновой, владелицы Спасского-Лутовинова и многих других поместий в нескольких губерниях. Их свадьба состоялась 14 января 1816 года в Преображенской церкви села Спасского-Лутовинова.

Со стороны матери И.С. Тургенев происходил из рода Лутовиновых, представители которого издавна служили всероссийскому престолу. В служивой грамоте царя Михаила Федоровича от 1 ноября 1622 года Трофиму Лутовинову, по прозвищу Мисоед, отдавалась четверть сельца Спасского в Мценской округе за то, что во время осады Москвы "против врагов наших стоял крепко и мужественно".

Полвека спустя земли в округе Спасского были "отказаны в вотчину" его сыну — Марку Лутовинову, служившему мценским воеводой. Недавно стало известно о том, что он в середине XVII века купил в Мценске издание Московского печатного двора. Судьба его книжного собрания неизвестна, основатели родового лутовиновского библиотеки считаются его праправнуками братья Петр, Алексей и Иван Ивановичи Лутовиновы.

Все они оставили по себе недобрую память своим самоуправством и неблагоприятной жизнью. Местные народные легенды, связанные с ними, нашли художественное преломление в "Записках охотника", "Дворянском гнезде", "Трех портретах" и других произведениях нашего земляка.

Пролегия живую связь поколений, писатель явился достойным носителем лучших народных традиций, художественным комментатором народных обычаев и преданий.

Владимир ВЛАСОВ.